

ТАКТЫ РЕФОРМАТОРСТВА В РИТМИКЕ ИСТОРИИ: ИЛИ РЕВИЗИЯ СМЫСЛА В ТЕМАТИКЕ «ВЕЛИКИХ РЕФОРМ»

Черкашина Вера Витальевна

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет

hotyak_09@mail.ru

THE BARS OF REFORMATION IN THE RHYTHM OF HISTORY: OR A REVISION OF THE MEANING IN THE SUBJECT OF "GREAT REFORMS"

V. Cherkashina

Summary: The genesis of the image of the national state in Russia, around which the formation of the newest Russian identity takes place. The great reforms were the starting point of Russian modernization, in which public guidelines formulated in the context of national historical and political culture, which is now assigned a leading role in the innovative development of the country, would be clearly tangible. This also determined the function of education reform in the architecture of state modernization.

Keywords: Great reforms, Alexander II, Alexander III, counter-reforms, statehood, reception, self-identity, Imperial Kazan University, Russian Empire.

Аннотация: Генезис образа национального государства в России, вокруг которого и происходит складывание новейшей российской идентичности. Великие реформы явились точкой отсчёта российской модернизации, в которой были бы явственно осязаемы общественные ориентиры, сформулированные в контексте национальной историко-политической культуры, которой отводится ныне ведущая роль в инновационном развитии страны. Этим определялась и функция реформы образования в архитектуре государственной модернизации.

Ключевые слова: Великие реформы, Александр II, Александр III, контрреформы, государственность, рецепция, самоидентичность, Императорский Казанский университет, Российская Империя.

Рецепция российской государственности, инициированная отечественными элитами в начале девяностых годов прошлого века, естественным образом обусловила генезис образа национального государства в России, вокруг которого и происходит складывание новейшей российской идентичности. «Наша общая цель, – отмечалось в Договоре об общественном согласии 1994 года, – сделать Российскую Федерацию процветающим государством, пользующимся высоким авторитетом на международной арене, государством, в котором живут свободные люди, гордые своей историей, своим настоящим, уверенно смотрящие в будущее.» [1]. Осмысление места России в мире, понимание её роли в развитии глобальной цивилизации составляют ныне одну из важнейших задач, стоящих как перед страной, так и перед отечественным научным сообществом. Проблема заключается в том, что эффективное вскрытие причинно-следственных связей требует внятного определения цели и размещения её в системе исторических координат.

Поскольку именно Великие реформы явились точкой отсчёта российской модернизации – пучка социокультурных процессов, идей и мероприятий, определивших параметры российского общества и государства накануне Великой войны. В конечном итоге, решение этой задачи должно послужить основанием для объективного решения проблемы закономерности падения монархии

в России. Именно их адекватная интерпретация должна стать залогом понимания характера и направленности социально-политических процессов кануна Второй русской смуты, в частности, того самого «нового курса Александра III» [2,39] (который современники иронично именовали «попятным движением»), за которым в отечественной историографии закрепилось общее название «контрреформы». Одним из авторов термина «эпоха контрреформ» принято считать К.К.Арсеньева, – сочетавшего государственную службу, общественную деятельность с журналистской работой в «профессорском» журнале «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича, – и заимствован из истории Французской революции. Однако устойчивую негативную коннотацию понятие приобрело в советской историографии. Прокламированная же в начале девяностых годов попытка отказаться от него успехом до сих пор не увенчалась.

В процессе расшифровки кода российской идентичности государство и корпорация историков движется рука об руку. Исключительное значение, которое российская власть придаёт присутствию государства в пространстве, исторической памяти определяется, в частности, нормотворчеством и кадровой политикой в этой сфере. Так, отсчёт отечественной истории с 862 года [3]; деятельность научного фонда «История Отечества» [4], которую курирует бывший Председатель Государственной Думы ФС РФ С.Е. Нарышкин. Деятельность «юбилей-

ных комитетов» не только определяет формат торжеств по случаю Дня Победы, но и способствует утверждению новой культуры празднования. Отечественное историческое сообщество XX века неизменно увязывало в рамках единой хронологической цепи Парижский трактат 1856-го и Брест-Литовский мирный договор 1918 г., стремясь осуществить инвентаризацию наследия Российской империи и Советского Союза в видах генерации такой социально культурной среды, в которой были бы явственно осязаемы общественные ориентиры, сформулированные в контексте национальной историко-политической культуры, которой отводится ныне ведущая роль в инновационном развитии страны [5,96].

Очевидно, что формирование этой культуры невозможно без констатации единства отечественного исторического процесса, без этого немислима ни позитивная идентичность социума, ни логичная презентация отечественной социокультурной традиции. В то время как доминирующая модель, некогда административными средствами внедренная отечественной истории в формате «Истории СССР» предполагает последовательное разделение прошлого страны на «дореволюционный» и «советский» периоды. Весьма сомнительная с научной точки зрения эта оппозиция имела политическое значение до 1992 года.

Однако после распада СССР вопрос об интерпретации смыслов советской эпохи оказался напрямую увязан с решением задачи определения перспектив постсоветской российской государственности: «Строя теорию прогресса, – как советовал выдающийся российский экономист Н.П. Макаров, – мы должны оставаться ногами на земле» [6,28].

«Не менее радикальным был разрыв большевиков с российской государственностью как таковой. СССР... к Российской империи никакого отношения не имеет, более того, является её антиподом» [7] Советский Союз возник не как правопреемник российской империи, а как государство, отрицающее её существование, являлись основой советской идентичности, основанной на понимании советской власти как нового типа государства, учреждённого рабочим классом [8], обуславливает разрыв исторического пространства между русской историей и историей России, при том что в рамках политико-юридического дискурса уже к началу XXI века было сформулировано представление о наличии единого хронологического континуума с 862 по 2012 годы [3].

Впрочем, подобная декларация отнюдь не является постсоветской новеллой. Вынужденная попытка [9,44] его преодолеть была предпринята советским руководством в рамках дискурса «Истории СССР», когда: «Ленин (то есть революция в России как главное событие не только истории России, но и всемирной истории) и

Карамзин (то есть история России как история Московского/Петербургского государства) были органично соединены. Основой для «нового синтеза» стала именно имперская история как исторически прогрессивное со- бирание земель» [9,46].

Проблема здесь в том, что относительно безболезненно достигнутое в рамках идеократического дискурса Истории СССР соединение имперской и советской истории, оказывается весьма проблематичным в рамках дискурсивной формации исторического исследования, оборачиваясь нелепым и бесперспективным синтезом советского патриотизма, существо которого образно выразил Г.П. Федотов: «Когда Ленина надо мирить с Карамзиным, здесь воображение отказывается работать» [10,95].

Одним из наиболее сложных вопросов в отечественной исторической саморефлексии остаётся проблема социально-политической структуры российской империи и её репликации в историческом пространстве Советского Союза. Вопрос этот, тем более важен, что Российская Федерация не продолжает собою в праве, а заменяет на своей территории государство, незаконно однажды созданное... Этот длящийся правовой переход с перерывом в юридическом родстве обосновывает «принцип непрерывности (континуитета) российской государственности» [11].

В правовом поле это позволяет восстановить единство российской истории, соотнося институт российского гражданства с состоянием непрерывности российской государственности, отвергая обременительную с позиции политико-юридической самоидентичности идею правопреемства между СССР и РФ. В рамках традиционного для отечественной историко-научной традиции этацентристского подхода, на долю историков остаётся анализ мотивов и вскрытие причинно-следственных связей, многие из которых, до последнего времени оставались, как бы вне дискурсивной формации прорицания о прошлом. В рамках этой стратегии наиболее сложными для истолкования оказываются события, не успевшие выступить исследовательскими объектами специалистов русской историко-юридической школы. Но, пожалуй, именно Великие реформы второй половины XIX века, более всего нуждаются в профессиональном описании и интерпретации.

Дело в том, что реформы Александра II, – находившиеся во втором десятилетии прошлого века всё ещё в том моменте, где кончалась история и начиналась действительность [12,818], – были для русской истории лишь объектом беглого обзора, завершавшего имперский сюжет, накануне начала нового этапа: прорыва – как тогда казалось – «к гражданской правде и социальному счастью» [12,818]. Для советской же историографии они

всегда оставались лишь побочным продуктом разночинного этапа освободительного движения, что обусловило вычленение крестьянской реформы из комплекса правительственных мероприятий и фокусировку исследовательского интереса на её социальных последствиях, которые, во многом оказались неожиданными, как для правительства, так и для общества. И при этом, порой не коррелировали с задачами реформ. Этот сбой в настройке исследовательской оптики препятствовал (фактически исключал возможность) объективной оценке результатов имперской модернизации.

В начале девяностых годов XX века наметилось стремление к объективному рассмотрению значения реформ, а в связи с выбором новых приоритетов государственно-правового развития, исследователи вновь обратились к принципам и институтам, созданным реформами, однако в новейшей российской историографии этот порок так и не был в полной мере изжит: преобразования второй половины XIX века изучаются вне контекста общего замысла технической модернизации и качественного перевооружения императорской армии и флота. Между тем, неспособность в рамках актуальных дискурсов, внятно истолковать причины: всплеска протестов «освобождённых» 19 февраля крестьян; убийства царя; роста оппозиционных и антиправительственных настроений в демократических и аристократических кругах; заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к загадке Великих реформ, времени, когда началась новая история Российской империи, оказавшаяся, вопреки ожиданиям, весьма непродолжительной. Вероятно, решение этой задачи было бы по силам интернациональным исследовательским коллективам, действующим в мультидискурсивном режиме, где важная роль нередко принадлежит «внешним наблюдателям», поскольку они способны обратиться к таким проблемам, которые официальная школа предпочла бы проигнорировать [13].

Однако, опыт плодотворной научной коллаборации, зафиксированный в сборнике «Великие реформы в России, 1856–1874», не получил дальнейшего развития [13].

Ресурсов же российского академического сообщества оказалось недостаточно не только для решения, но и для комплексной формулировки исследовательской задачи.

Действительно, последствия реформ очевидно превзошли масштабы замысла реформаторов, поэтому в процессе исследования содержания российской модернизации необходимо сочетать изучение задач, которые ставились перед правительством, с выяснением последствий проводимых им мероприятий. Вместе с тем, плодотворным представляется и восстановление региональных кейсов, совокупность которых, по сути дела и представляет собой историческую картину Великих реформ. К тому же на региональном материале можно отработать исследовательские модели, что позволило бы в перспективе не только воссоздать логику модернизаторской динамики, но и выявить наличие и характер анастрофически возникавших в процессе административного воплощения политического замысла правительства Александра II взаимосвязей, в конечном итоге и сыгравших роль социокультурного «хвоста» Великих реформ.

Такой подход к реформам на первый взгляд не вполне согласуется с утвердившимися в академическом обществе мнением о стремлении правительства приобщить массы населения к благам просвещения, однако даже беглый взгляд на персональный состав, хронологию и номенклатуру реформ свидетельствует, что просвещение для России не было самоцелью или ценностью. Этим определялась и функция реформы образования в архитектуре государственной модернизации. Тем более, что большинство патриотически настроенных деятелей Александровского времени не скрывали своей мечты: воспользовавшись выгодами просвещения, избежать необходимости вкушать плоды свободы. Очевидно, что одним из средств достижения этой цели призван был стать Императорский Казанский университет, который с момента своего основания: «выступал интеллектуальным авангардом российской государственности на Востоке страны» [21,45].

ЛИТЕРАТУРА

1. «Договор об общественном согласии». 28 апреля 1994 года. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=261348#8IGXG6TwyuMVAv45>
2. Ананьич Б.В. Власть и реформы. От самодержавной к советской России // Вестник российского гуманитарного научного фонда. – 1996. – № 2. С. 34–40
3. Указ Президента Российской Федерации от 03.03.2011 г. № 267 «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности»
4. Указ Президента Российской Федерации от 06.04.2016 г. № 163 «О создании фонда «История Отечества»
5. Беклямишев В.О. «Назад в будущее»: образы модернизационных реформ в коллективной памяти россиян //Управленческое консультирование. 2017. № 2 С. 96–104.
6. Макаров Н.П. Прогресс или эволюция крестьянского хозяйства (по поводу книги Л.Н. Литошенко) //Крестьяноведение. 2018. Т. 3, № 01. С. 27–30.
7. Почему РФ – не Россия //Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. <http://swolkov.org/russia/russia-23.htm>.

8. История всеобщей коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. ОГИЗ государственное издательство политической литературы. – М., 1945. http://lib.ru/dialektika/kr_vkrb.txt.
9. Рожанский М.Я. Сибирские узлы империи // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 2 С. 34-54.
10. Федотов Г. Александр Невский и Карл Маркс // Федотов Г.П. Полн.собр.ст. В 6-ти т. Т.4: Защита России. Статьи 1936-1940 из «Новой России» Париж: УМСА-PRESS, 1988. – 316 с.
11. Мнение судьи КС Константина Арановского (Полный текст) https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2589478-echo/Oсобое_mnenie.
12. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – Петрозаводск: АО Фолиум, 1996. 838 с.
13. Великие реформы в России, 1856–1874: Сборник / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла / М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 336 с.
14. «Пребудеть сословием ученых мужей...». – Высшее образование в России. 2004. № 10. С. 44-48.

© Черкашина Вера Витальевна (homyak_09@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет